

Рецензируемый сборник статей — первая крупная работа, специально посвященная русской свадьбе. Авторы понимают сложность стоящих перед ними задач, и в целом статьи, составившие книгу, отражая современное состояние изучения свадьбы, скорее открывают перспективы исследования, чем подводят итоги анализа. В связи с этим весьма характерно «Предисловие», написанное К. В. Чистовым. В нем сформулированы важнейшие задачи, которые предстоит еще решить исследователям русской свадьбы. Это прежде всего составление исчерпывающей библиографии, разработка современных методов комплексной фиксации свадебного обряда, публикация региональных обобщений в обоснованно выбранных и строго очерченных границах, картографирование важнейших элементов и обрядовых комплексов, образующих свадебный ритуал, сравнительное изучение русского и свадебных ритуалов других народов, исследование свадьбы в свете истории семьи и общины, истории обычного права и т. д., анализ предсвадебных и после-свадебных обрядов и обычаев, изучение городской свадебно-обрядовой традиции и ее взаимоотношения с региональной и общенациональной традицией, исследование исторических документов и сведений о свадьбе в свете современных представлений о свадебном ритуале на разных ступенях развития общества.

Намеченная К. В. Чистовым программа изучения русской свадьбы пока еще не во всех аспектах освещена в рецензируемом сборнике.

Источниками открывающего сборник исследования М. Г. Рабиновича («Свадьба в русском городе в XVI веке») стали «Домострой» и записки Д. Флетчера «О государстве русском». Заслуга ученого прежде всего в том, что он обратил внимание современных исследователей на материал чрезвычайно мало изученный, в частности на описание княжеских и царских свадеб, сделанные иностранцами и русскими до XVIII в., а также на сведения, содержащиеся в летописях и в других древнерусских памятниках литературы, что поможет по-новому осветить многие стороны исторического развития русского свадебного обряда позднейшего времени. Ценность работы М. Г. Рабиновича и в том, что он впервые рассмотрел русскую свадьбу XVI в.

Следующая за работой М. Г. Рабиновича статья [Г. В. Жирновой] «Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе середины XIX — начала XX в. (на примере малых и средних городов РСФСР)» как бы подводит итог изучения автором городской свадьбы середины XIX — начала XX в. Г. В. Жирнова пришла к заключению, что в ходе исторического развития в городе, с одной стороны, формировались оригинальные свадебные обычаи и обряды, с другой — к новым условиям приспосабливались традиционные крестьянские. Автор высказала также плодотворную мысль о том, что в городе в результате социальной, духовной и бытовой разобщенности населения создавались локальные различия в обряде; в то же время по мере движения от центра города к окраинам исчезали четкие границы вариантов, больше появлялись традиционных черт крестьянской свадьбы. Важны наблюдения автора над межсоциальной диффузией свадебного ритуала в городе, выявление общегородских черт свадебного обряда и черт, присущих свадьбам определенных сословий. Работа содержит также разнобразные сведения о городской свадебной терминологии, о «чинах» городской свадьбы и их обрядовых функциях, о магических обрядах в ритуале (особенно о магии чисел) и т. д. Все это делает исследование Г. В. Жирновой одной из лучших работ о свадьбе последних лет.

В статье А. В. Гуры «Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.)» впервые предложена новая классификация свадебных обрядов, позволяющая рассматривать свадебный ритуал как единое целое. Эта классификация не исключает существующей (деление обрядов на магические, юридическо-бытовые, ритуально-игровые и т. д.), но сосредотачивает основное внимание на определении структуры свадебного ритуала, что, несомненно, будет способствовать и более строгому подходу к исследованию социально-бытового назначения свадьбы.

Обращает на себя внимание особенно первая часть статьи А. В. Гуры, в которой выявлены обрядовые элементы свадьбы и даны им определения. Рассматривая «свадебную реальность» как «комплекс актов, т. е. обрядовых действий, совершаемых в определенной последовательности, каждому из которых соответствует своя свадебная функция и семантическая единица — функциональный смысл» (с. 72), он вычленяет в свадебном ритуале «свадебные акты», «обряды» и «церемонии». Интересна также мысль исследователя о наличии в свадьбе обязательных и факультативных, фиксированных и нефиксированных элементов.

Пристальное внимание исследователей свадьбы, думается, привлечет и статья И. М. Колесницкой «Простейшие типы русских народных свадебных песен». Это одна из немногих работ о свадьбе, в которой удачно сочетаются разностороннее знание автором свадебной поэзии, способность увидеть за ее богатством вполне определенные жанровые группы и умение проанализировать словесный текст, не разрывая его поэтической и обрядовой сущности. В указанной статье И. М. Колесницкой, как и в других работах последних лет о свадебной поэзии анализируется не только русский, но и украинский и белорусский материалы, что дает возможность сделать интереснейшие наблюдения над поэтической сущностью свадебной поэзии. В этой статье, с одной стороны, уточняются

и развиваются идеи Н. П. Колпаковой о заклинательных песнях¹, с другой — вполне объективно анализируются ранее, как правило, не отмечавшиеся жанры и жанровые группы свадебного фольклора. Автор выделяет кроме заклинательных церемониальные песни-наказы и песни-советы, а также иллюстративные песни. Все основные выводы И. М. Колесницкой, по нашему мнению, можно принять без существенных поправок. Хотелось бы только в дискуссионном порядке выразить сомнение в целесообразности объединения в один тип (жанр) свадебной поэзии заклинательных и церемониальных песен. Почти тождественные в формальном плане, они все-таки существенно различаются между собой и в функциональном отношении, и по содержанию. Думается, церемониальные песни (наказы и советы) — самостоятельный жанр свадебного фольклора, как и заклинательные и иллюстративные песни.

Несомненный интерес вызывает также статья А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона «К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе». Исследователи справедливо замечают, что «описание пространственной структуры обряда, т. е. представленной об устройстве, организации и функциях пространства, в котором протекает обряд» (с. 89), очень важно для понимания сущности свадьбы в целом. В работе есть ряд метких наблюдений над организацией и определением значения пространства в свадебном ритуале. Но, на наш взгляд, исходные позиции и некоторые выводы исследователей вызывают сомнение. Авторы статьи полагают, например, что «движение от центров М- и F-локусов к периферии сопровождается уменьшением упорядоченности» (с. 99), и одним из доказательств этого считают наличие в свадебном пространстве «нейтральной зоны», по их мнению, практически не упорядоченной. При этом они ссылаются на приговоры дружки, в которых «нейтральная зона» характеризуется «противоположными» признаками: одновременно пространство описывается и как «чистое поле» и как «зеленая дубравушка», поезжане могут ехать и «под чистым небом» и под «темными облаками», а освещать им дорогу могут одновременно и «красное солнышко» и «ясный месяц». Но нет в «нейтральной зоне», на мой взгляд, никакой неупорядоченности! Такое «алогическое» описание пространства в свадебных приговорах объясняется целесообразностью их обрядового исполнения. Дружка, выезжая во главе свадебного поезда со двора жениха или невесты, заклинал все магические силы природы, чтобы дорога шла «чистым» полем, чтобы можно было проехать через «зеленые дубравушки», чтобы поезд ехал под «чистым небом», но мог бы без опасностей проехать, если доведется, и под «темными облаками» и т. д. Иначе говоря, неупорядоченность «нейтральной зоны» оказывается при ближайшем рассмотрении вполне упорядоченным поэтическим миром одного из пока еще слабо изученных жанров свадебной поэзии.

Определенная, на наш взгляд, необедительность некоторых выводов А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона объясняется их увлеченностью концепцией. Авторы стремятся на довольно позднем материале (XVIII—XX вв.) преимущественно русской свадьбы подтвердить концепцию, сформулированную другими учеными на ином материале. «Концентрическая система локусов (дом — двор — деревня — поле) и повышение упорядоченности от периферии к центру, — пишут они, — общие свойства ритуального пространства, и шире — мифологической космологии, которым свойственна особая сакральная роль центра» (с. 100). Попытки увидеть в свадьбе мифологические представления, «этот» и «тот свет», на наш взгляд, пока не увенчались успехом.

Оригинальна по замыслу работа В. А. Лапина «„Холостые“ и „женатые кружки“ в терско-кандалакшской свадебной традиции». Полагая, что народная терминология фиксирует определенные обрядовые явления, исследователь задается целью, с одной стороны, сопоставить и проверить «результаты музыковедческого анализа реально существующей народной системы оценок, воплощенной в обрядовых песенных терминах», с другой — «выяснить, в чем и на каких уровнях обнаруживается (или не обнаруживается) соответствие между ними» (с. 233). Результаты исследования показали в основном соответствие между народной терминологией и терминами групп песен, называемых «холостыми» и «женатыми кружками». Однако выводы исследователя могли быть более значительными, если бы он обратил внимание не только на музыкальную сторону свадебных песен и особенности их исполнения в обряде, но и на их тексты.

Ряд статей сборника посвящен описанию свадебных обрядов и фольклора русского населения Украины, Латгалии, Сибири и других регионов. Эти работы вводят в научный оборот новый материал. В статьях Т. С. Макашиной «Свадебный обряд русского населения Латгалии» и Л. Н. Чижиковой «Свадебные обряды русского населения Украины» рассматривается бытование русской свадьбы в иноязычном окружении. К ним близки статьи Т. П. Федянович «Черты сходства свадебной обрядности русских и мордвы» и Н. В. Шлыгиной «Водская свадьба (традиции и русское влияние)». Две последние работы привлекают внимание также попыткой поставить некоторые общие вопросы изучения взаимодействия свадебных ритуалов разных народов. Так, Н. В. Шлыгина считает, что «изменения, которые произошли в свадебной обрядности води в течение XIX в., можно подразделить на две группы: одну составляют те, что связаны с развитием традиций во времени — их постепенным видоизменением и исчезновением, другую — те новшества, которые появились как результат заимствований у соседних народов, в первую очередь у русского населения края» (с. 276—277). В исследовании Т. П. Федянович есть

¹ См. Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962.

интересные наблюдения над тем, как «заимствованные или выработанные под влиянием общения с русскими свадебные обряды переплетались с исконно мордовскими, приобретали национальный колорит, органически входили в ткань национальной „свадебной обрядности“» (с. 257).

Большой материал по свадебным обрядам обобщен в статьях В. А. Липинской, А. В. Сафьяновой «Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа», А. А. Лебедевой «Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX — начало XX в.)» и Л. Н. Молотовой «Шенкурские свадебные головные уборы».

Особо хотелось бы отметить еще две работы, опубликованные в сборнике. Пожалуй, впервые в фольклористике их авторы специально обратили такое серьезное внимание на предбрачные и послебрачные обычаи и обряды.

В статье Т. А. Бернштам «Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в.» на богатом материале широко раскрывается тезис о том, что крестьянская девушка, когда становилась по возрасту «невестой», получала в семье и в деревне «известные преимущества в свободе поведения и нарядах» по сравнению с более молодыми девушками. Девушка-«невеста» вела «особую жизнь в своей возрастной группе, насыщенную традиционными обычаями и обрядами в течение всего календарного года... Изменялось отношение к ней семейного и сельского коллектива» (с. 51). В статье подробно анализируются весенне-летние и осенне-зимние обряды с брачной тематикой, сделаны важные наблюдения над поморскими «игрищами».

Статья Л. А. Тульцевой «Вьюнишники» — первая работа в русской фольклористике, так полно и глубоко раскрывшая сущность одного из самых неизученных явлений после-свадебной обрядности—обычая поздравлять молодых в первую весну после свадьбы. В работе определены географическое бытование обряда, его терминология, состав участников, время исполнения, ход праздника. Привлекает внимание анализ поэтической сущности «вьюнишных» песен, в основном являющихся песнями-величаниями. Плодотворна также мысль автора о магической сущности и особенно о юридическо-бытовом назначении изучаемого обряда. Важно также, что исследователь указывает на существование кроме «общественных окличек» родственных поздравлений.

Итак, появился в свет первый в послевоенные годы специально посвященный русской свадьбе сборник научных трудов. В нем намечена широкая программа исследований, обозначены важные направления анализа русского свадебного ритуала, поставлены и решены серьезные научные проблемы. Книга, объединив для комплексной разработки сложной темы ученых разных специальностей (этнографов, филологов, историков и др.), показала возросший теоретический и методический уровень изучения свадьбы. Поэтому в заключение хотелось бы пожелать, чтобы рецензируемый сборник, поскольку он открывает перспективы изучения русской свадьбы, стал бы первым сборником в ряду последующих за ним работ под тем же названием.

Ю. Г. Круглов